

**МЯТЕЖ
РОГОНОСЦЕВ**
Лиана Делиани

12+

Лиана Делиани

Мятеж рогоносцев

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63118323

SelfPub; 2020

Аннотация

Жизнь королевской любовницы далеко не всегда праздник: происки соперниц, придворные интриги, незаконнорожденные дети, толпы бедных родственников и... оскорбленный супруг, решивший восстановить поруганную честь.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	18
Глава 3	32
Глава 4	47
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Лиана Делиани

Мятеж рогоносцев

Глава 1

*Счастье – не приз, который получаешь в награду,
это свойство мышления, состояние души.*

Дафна Дю Морье

Я повстречала Филиппа, когда во второй раз поехала с отцом на ярмарку в Виле. Взял меня отец потому, что Жак заболел, а я уж его упростила не оставлять меня дома. Было мне четырнадцать лет.

Ярмарка в тот год удалась веселая, даже лучше чем в первый раз. Ходила я за отцом, разглядывала груды товаров да толпу народа, дивилась на ярмарочный торг, песни, сказания.

Филипп подъехал поздороваться. Я сразу узнала его лошадь – отец продал ее в прошлом году на ярмарке. Кроме него никто из знатных господ не то, что словом перемолвиться, вообще нас не замечал.

Филипп был страшно худой, да и вообще какой-то хилый, кожа бледная и круги под глазами. Но глаза у него были спокойные, добрые. Он пошел со мной гулять по ярмарке и по-

дарил сережки с бирюзой, на которые я загляделась. А потом спросил, пойду ли я за него замуж. Ну, я и согласилась. Ведь после того, как моя сестра вышла замуж за богатого крестьянина из Флинта, кто б из дворян за меня посватался? И до того видать не больно сватали, раз Жанна вышла за первого крестьянина, приславшего за ней сватов. А Филиппа я по доброму пожалела, да и знала, что понравилась ему сильно, а то чтоб ему брать в жены бесприданницу да еще из такого захудалого рода. Мать с отцом страшно обрадовались, хоть и считали, маловата я еще для замужества, и про поместье жениха много разного судачат: что земля там нездоровая – одни болота, люди, мол, мрут там как мухи.

Жили мы с Филиппом хорошо, хоть и невесело мне было в полупустом замке среди болот. Родни у Филиппа не было никакой – все давно перемерли от болотной лихорадки – одна старая няня Фиона. Она-то и учила меня вести хозяйство по-местному, не так как у нас. Скота никакого не разводили, собирали разные травы, водоросли болотные, мох, кору и ветки с деревьев. А потом готовили из них настойки и наливки, отвары всякие, мыло, краски и даже нить пряли. А уж на ярмарках люди все это разбирали – диковинный товар, да и полезный.

Филипп старался отпускать меня к родителям почаще, брал всегда с собой на ярмарки. Один раз мы с ним даже ездили в Ланкастер, заказать себе новое платье к Большому дворянскому смотру. Только побывать там нам не пришлось:

Филиппу сделалось совсем худо.

В первый год как мы поженились, здоровье у него было лучше. Он даже катал меня на лодке почти каждый день. А потом стал все слабеть и слабеть, и няня Фиона со всеми ее настойками и отварами ничего не могла поделать.

Пригласили лекаря из Ланкастера, он умно́ покачивал головой в колпаке, велел принимать порошок из толченого жабьего камня и сказал, что во всем виновата болотная лихорадка. Только Фиона так не думала. Она считала, что слишком много родня Филиппа меж собой роднилась, тут уж никакими снадобьями не помочь.

Так мы с ней и ходили за Филиппом, пока он угасал. И платье парадное, что заказывали, только и понадобилось для погребения его обрядить. Прожил Филипп, последний барон Чандос, тридцать два года. А я осталась вдовой шестнадцати лет.

После похорон забрали меня родители назад в Жанин. Пожила я там пару месяцев, а потом собралась и поехала обратно на болота. Был конец лета – пора собираться на ярмарку. Надо было проверить, все ли готово, починены ли повозки, помочь старой Фионе составить список товаров, что нужно купить впрок. Я решила ехать на ярмарку сама. Отец меня одобрил, да и у него в такое время не было ни одной души лишней, чтоб послать со мной.

Поехала я на ярмарку в третий раз, и судьба распоряди-

лась так, что на этой ярмарке я повстречала своего второго мужа.

Случилось это вот как. Мы с Фионой пошли заказать мессу по Филиппу в церковь святой Женевьевы в Виле. Молилась я за Филиппа, только на душе у меня было беспокойно. Пока я жила у родителей, приглянулся мне один парень. Наш, местный, я его с детства знаю, Жакоб. Ну, и закрутилось у нас с ним. Я ведь молодая, только овдовела, а жить-то охота.

В общем, все бы ничего, да только стал он похваляться, что, мол, дочка баронская ради него что хочешь сделает, и рассказывать, как там да что у нас бывает на сеновале. Разозлилась я страшно и обиделась, только вот делать было нечего – не рассказывать же родителям, чтоб отправили его подалее от Ла Курятника, молоть грязным языком по городам и весям.

Так и уехала в Чандос. Там Фиона такая грустная ходила, что я решила взять ее с собой на ярмарку. А чтоб не думала она, что я забыла Филиппа, пошли мы заказать мессу. Я знала, что ей давно хотелось это сделать, да и сама скучала по нему. Рассказать бы ему все как живому, он ведь меня лучше родителей понимал, никогда не корил.

В ту церковь зашел помолиться и дон Педро Альтамира. Я-то его тогда не заметила, задумавшись. А он меня заприметил. И на ярмарке подошел посмотреть наш товар. Купил кое-что. Разговаривал о хозяйстве, о налогах. Похвалил, как

я с челядью управляюсь. Я с ним не робела, но вела себя, как подобает вдове. На том и распрощались.

Ярмарка прошла удачно, покупатели так и шли, мы распродали все товары. Мои чандосцы говорили, что это, потому что хозяйка молодая и красивая, все у лотка останавливаются – хочется поглазеть, поговорить, а уж я их без покупки не отпускаю. У отца дела тоже шли неплохо.

Мы уже двинулись в обратную дорогу, когда на выезде из города повстречали дона Педро. Оказалось, ему с нами по пути. Он сказал, что едет в монастырь иоаннитов, что в Ланкастере, во исполнение обета. Отцовские и мои повозки присоединились к его свите, и так мы ехали до Хилрода, где наши пути разошлись.

В дороге дон Педро беседовал с отцом, со мной. Был он важный, толстый, с седой бородой и усами, чуть лысоватый. Еще очень набожный. С четками не расставался, в монастырях и церквях проводил много времени. Рассказывал, как в молодости хотел вступить в орден иоаннитов и отправиться воевать с сарацинами. Обета своего он тогда не сдержал, хотя воевать на своем веку ему пришлось много, и теперь, во искупление, он приобрел ордену обширные земли в Ланкастере, помогает в строительстве обители и пару раз в месяц ездит посмотреть, как идут строительные работы.

Хотя он и был очень важный, да еще и пэр, разговаривал он совсем не так надменно, как наш пэр, старый граф Ланкастер.

После удачной ярмарки отец решил, что пора женить Жака, невесту ему он уже приглядел – дочку барона Луэстра-Чум. Луэстра-Чум хоть и древнего рода, но не богаты, а дочерей у барона намного больше, чем земель. Вот они с отцом и сговорились. Приданного за невестой барон почти не давал, да она и постарше Жака, но брат и этим был доволен – не век же холостым ходить.

Отец взял меня с собой, когда поехал сватать невесту, – показать, что и мы не лыком шиты, что дочь у него тоже баронесса. Осенью сыграли свадьбу. Настоящую, веселую. Я почти все время провела дома, помогала готовиться.

Жена моему брату попала не красавица, но зато хорошего нрава, тихая, работающая. Мы с ней вселадили.

А на обратном пути в Чандос снова повстречался мне дон Педро. Ехали мы с ним опять до Хилрода, беседовали как добрые знакомые. Видела я его и зимой в Ланкастере, куда ездила отвозить ежегодную пошлину пэру. Фиона потом еще сказала, что он глаз на меня положил, да не знает, с какой стороны подойти.

Я с ним держалась приветливо, но с достоинством. Чтоб он решился на что-то большее, чем завалиться в постель с молоденькой вдовушкой, не рассчитывала. А в этом отношении жизнь меня уже научила. Я после Жакоба не собиралась

больше метать бисера перед свиньями. С другой стороны, беседовать с ним мне было приятно, да и портить отношения с пэром, пусть и соседним, тоже нежелательно было бы.

По весне, как сошел снег, и речки вошли в обычное русло, поехала я снова в Ланкастер. Не то, чтобы дела у меня там были какие-то, а просто посмотреть большой город да ткани себе на платья новые купить. Траур мой уже кончился, хотелось себя побаловать, а то жизнь у меня, по правде, была хоть и хорошая, да скучная. Назад ехала, смотрю – люди какие-то заблудились в наших болотах.

Велела подъехать ближе, посмотреть, не нужна ли помощь, а это оказался дон Педро. Сказал, что специально ко мне ехал для важного разговора. Ну и позвал меня замуж.

Я сперва ушам своим не поверила. Пэры это ведь знать такая, что ой-ой-ой, они полжизни в столице проводят, заседают в Королевском совете. Ну, я и сказала ему, что слишком это большая честь для меня, что пусть он еще хорошо подумает. А он мне ответил, что уже и так долго решался, но теперь решил, сам он уже не молод и, если хочет иметь наследника, то жениться ему нужно как можно скорее. Наблюдал он за мною долго, пришел к выводу, что лучше ему супруги не найти: я и скромна, и хозяйственна, и религиозна, к тому же молода и здорова. А то, что род у меня не очень знатный, так дети носить будут его фамилию, а насмешек в свой адрес по этому поводу он не боится, да и отпор дать таким насмешникам, хвала Господу, еще в силах.

Что мне было делать? От таких предложений не отказываются.

Отца чуть удар не хватил. Он неделю по дому ходил и улыбался как сумасшедший. А то обнимал меня и говорил: «Вот так, пусть все знают, какая у меня дочь! Теперь и остальных всех удачно пристрою, в очередь женихи будут выстраиваться!». С доном Педро разговаривал как с богом, во всем с ним соглашался.

Свадьба была скромная, мы просто обвенчались в часовне замка АльмЭлис, где отныне мне предстояло быть госпожой. С моей стороны присутствовали родители и братья, со стороны дона Педро – двое родственников его первой жены. Так я и стала графиней Альтамира.

Те двое родственников Педро – племянники его покойной жены – они-то мне, конечно, не обрадовались. Небось, уже прикидывали в уме, кому из них такой куш достанется, а тут – на тебе – я возникла как кость в горле.

Дон Диего, тот просто улыбался, хитренько так, себе на уме, да любезности мне всякие высказывал, а дон Алонсо, тот, без церемоний, облапил меня в темном проходе. Ну и я ему тоже, без церемоний, промеж глаз кулаком как залепила, у него аж искры посыпались. Побелел весь от ярости и сказал, что так, мол, только прачки да посудомойки дерутся.

Я ответила, насчет посудомоек ему, наверное, виднее, раз уж он так тесно с ними общается, что знает их привычки. А он мне ядовито так заметил, что я, видимо, больше привычна к утехам на сеновале, чем в замковых покоях. Про Жакоба, значит, намекнул. Ох, и сколько же раз я уже пожалела, что с ним тогда связалась!

В общем, житья мне от этого дона Алонсо не стало. Оскорблял он меня всячески. То мадам из курятника называл, то болотной баронессой. И все прямо в глаза, вежливо-высокомерно так, с брезгливой физиономией, иногда только по ней и поймешь, что гадость какую-то говорит заумными словами.

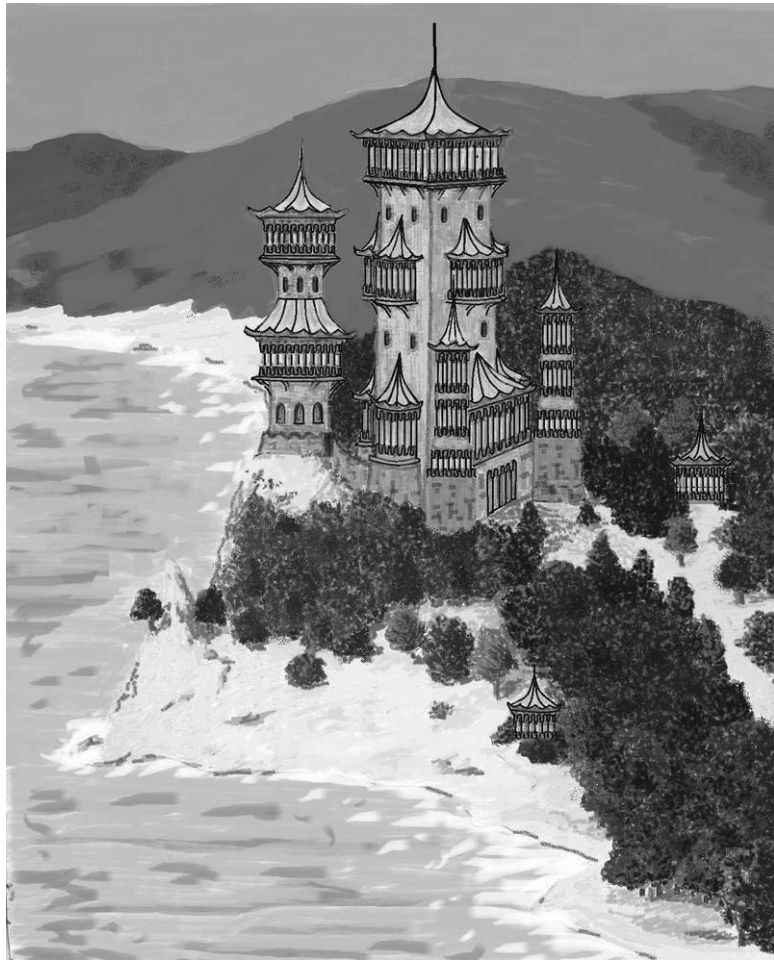
За обедом как-то заявил Педро, что ему не стоит меня привозить ко двору, потому что я разговариваю, как простолюдинка. Педро ему ответил, что мне при дворе бывать и не придется почти, а насчет манер и разговора, он поручит нашему канонику позаниматься со мной.

С Педро дон Алонсо тоже разговаривал надменно, без должного почтения, но тот почему-то и не возмущался вовсе. Его брат, дон Диего, рассказал, что он так даже при дворе себя вел, за это его от двора-то и выслали.

Я тоже старалась в долгу не остаться. Только вот не всегда могла ему ответить – боялась какую-нибудь глупость ляпнуть, чтоб он меня еще больше не высмеял. Так что, когда убрались они с братцем восвояси, вздохнула я спокойно.

Педро разрешил мне устроить в замке все по-своему. Замок АльмЭлис очень красивый, но Педро он достался недавно, а до того столетьями тут никто не жил. А когда дом не обжитой, в нем неуютно, пусто как-то, да и эхо как в соборе. Выписала я себе помощников – старую Фиону, хоть она и упиралась, сестер Аннету и Лизон, и принялись мы за дело.

Педро денег не жалел, все, что нужно, покупали без промедления. Трудно было выбирать, ведь я хотела, чтоб все было, как положено у знати, чтоб Педро не пришлось краснеть, и насмеяться ни у кого охоты не возникло. А как знать, что нынче модно? Купцы, они всякий товар за лучший выдадут, лишь бы с рук сбыть. Я же хотела, чтоб все было красиво. Ведь замок этот строили для прекрасной королевы Элис, той самой, про которую столько баллад и песен сложено, как тут не стараться – все, кто попадет сюда, будут ждать чего-то сказочного.

Замок АльмЭлис

С капелланом нашим, падре Игнасио, я заниматься начала. Он меня все поправлял, учил правильно слова произносить, грамоте, письма сочинять. Я старалась, как могла, уж очень неприятно мне было перед этими родичами Педро дурой выглядеть.

Еще я хотела танцам придворным научиться, да не у кого было. А жаль. Уж эту науку я бы в два счета осилила.

Жили мы с Педро тихо. В гости к нам редко кто заглядывал. Разве что соседи ближайшие заезжали по делам – долговязый герцог Лонгвиль, старый граф Вильруа со старухой графиней д'Андуэн, да еще дон Диего нет-нет да навещивался. Я с ним поладила. Он мне про королевский двор рассказывал, танцам обещал научить, советовал что модно, а что нет. Только сестер я сразу предупредила, чтобы держали с ним ухо остро, а когда застала его обнимающимся с Лизон в беседке, тут же отправила ее домой. Ему-то жизнь ей испортить легче легкого, а она, дуреха, что потом будет делать?!

Хозяйничать в таком большом и красивом замке мне страшно нравилось. Я развела везде цветы, велела посадить побольше деревьев. Земля хоть и похуже, чем у нас в Ла Курятнике, но зато красиво. Много речушек, мостов, каменных и деревянных, дома каменные, добротные, украшенные резьбой. Люди приветливые, любят в гости друг к другу ходить. Живут хорошо, зажиточно, но и работают много.

Фиона моя, правда, сердцем как прикипела к своим болотам, так и не жаловала никакие другие места. Поживет у меня и едет назад, в Чандос, потом заскучает одна и едет обратно. И так весь год. Сама я в Чандосе бывать стала редко, приезжала только, когда налоги надо было пэру отсылать да к ярмарке готовиться. Мои все у меня часто гостили: и мать, и братья, и отец, а сестры, так вообще, жили у нас, учились хорошим манерам.

Через полгода после свадьбы мы с Педро совершили паломничество в монастырь святой Женевьевы, что в Граэре, просили ее ниспослать нам дитя. Фиона тогда сказала, что дети не от молитв рождаются, и зря я за старика замуж пошла, мне другого надо бы, помоложе да погорячее. Я просила ее дать мне средство, что помогает для зачатия, только она отказалась, сказала, вмешиваться не будет, и пусть все случится по воле божьей. А уж Фиона, когда заупрямится, ее с места не сдвинешь.

А как у Жака родился сын, так Педро и вовсе покой потерял. Каждый день спрашивал о моем здоровье. Мы даже ребенка к себе взяли, говорят ведь, что если в доме ребенок, хозяйка и сама скорее понесет.

На второй год нашей женитьбы Педро смирился и сказал, что, если за все его тяжкие прегрешения Господь не дал ему продолжить род, то он увековечит свое имя богоугодным делом, выстроив большую, красивую церковь.

Эта стройка его и доконала. Он так рьяно взялся за дело,

что дома почти перестал бывать. Все искал камень получше, плиты побольше, лично ездил нанимать самых искусных резчиков, заказывать статуи для фасада.

В дороге он простудился. Побыл малость дома, отваров попил и опять отправился смотреть, как идет строительство. А зимой, после такой поездки, Педро слег. Мы с Фионой лечили его, как могли. Потом приехали дон Алонсо с доном Диего и привезли лекаря. Ясное дело, мне они не доверяли, хотели проверить, не пытаюсь ли я отправить супруга на тот свет. Лекарь попался толковый, в травах разбирался, они с Фионой понимали друг друга с полуслова. Он подтвердил, что Педро нежилец.

Педро и сам скоро это понял. Позвал к себе племянников и о чем-то с ними говорил. Вышли они оба задумчивые. Фиона мне тогда сказала, оставят они меня без наследства, как пить дать. Ну да я молчала, потому что Педро сказал, что позаботится обо мне, да и те двое после разговора не очень-то и обрадовались.

Приехали попрощаться с Педро старый граф Вильруа и графиня д'Андруэн с внуком. Педро уходил в иной мир со смирением, по-христиански, молился и исповедался, падре Игнасио не отпускал от себя ни на минуту.

Так я и стала во второй раз вдовой. Девятнадцати лет.

Глава 2

Сразу после смерти Педро, подошел ко мне дон Диего. Начал он с того, что покойный Педро, заботясь о моей судьбе, просил одного из них жениться на мне, чтобы наши потомки носили фамилию Альтамира и стали его наследниками. Педро хотел обеспечить будущее, и мое, и своих племянников, один из которых получил бы родовое графство Эль Горра, а другой стал бы графом Альтамира. Поскольку дон Алонсо сразу отказался, выбор пал на него, дон Диего. Он и раньше питал ко мне нежные чувства, но, не желая оскорбить моего супруга и своего дядю, хранил молчание. Теперь же нам ничто не мешает соединить свои судьбы и жить счастливо.

Я ему ни на грош не поверила насчет пламенной любви, нежной страсти и всего такого прочего. Получит наследство и избавится от захолустной жены, и хотя, пожалуй, жизни лишиться у него смелости не хватит, но уж в монастырь меня запереть – так это запросто. Нет уж, благодарю покорно.

Ему я ответила, что нужно соблюсти срок траура, а потом уж говорить о будущем. А дон Алонсо при мне ехидно посоветовал братцу еще раз обдумать, стоит ли жениться на женщине, чьи мужья умирают с пугающей регулярностью и быстротой. И добавил, что сделает все от него зависящее, чтобы мне не досталось ровным счетом ничего из наследства Педро. На том мы с ним и распрощались.

Дон Диего остался поддержать меня в моем горе, а заодно присмотреть за дядюшкиным замком, как бы чего не пропало. С ним задержался Энрике д'Андуэн, внук старой графини, закадычный приятель наследника престола и самого дона Диего, как оказалось.

Энрике с самого своего приезда неровно ко мне дышал, а уж как все разъехались, так и вовсе за мной приударил. Был он высокий, красивый малый, черноволосый, черноглазый, с залихватской морской серьгой в ухе. Да еще ближайший приятель наследника престола. По всему было видно, церемониться с дамами он не привык, женщины сами на него вешались, и знатные, и простые. Ну, уж и я с ним была любезна. Мне он показался куда как приятнее дона Диего, да и куда как искреннее. Как знать, не сумеет ли он мне помочь, заступиться за меня перед королем или перед наследником, когда эти двое, каждый по-своему, будут пытаться увести у меня наследство.

Так что первые месяцы траура провела я в компании дона Диего и Энрике. Сама составила ежегодный отчет его величеству о делах пэрства, что Педро не успел отправить. Писать мне помог падре Игнасио. Он же мне и объяснил, что в завещании Педро указано, что все, чем он владел, достается в равных долях мне и одному из его племянников, в том случае, если мы поженимся, и наши дети будут носить фамилию Альтамира. Если же по каким-либо причинам, его племянники откажутся выполнить его волю, Педро распоря-

дился так, что я остаюсь владелицей всего состояния до своей смерти либо до нового замужества, когда все перейдет во владение того из его племянников, у которого будет больше детей.

Сказать по правде, меня это вполне устроило бы. Жить в АльмЭлисе мне нравилось, а замуж я больше решила не ходить. Во всяком случае, за дона Диего.

Дело было за малым: отвратить дона Диего от мыслей о женитьбе. Способ я выбрала самый простой и приятный – приняла ухаживания Энрике. Только не тут-то было. Пробрать дона Диего оказалось непросто. Он и виду не подал, предложил вместе съездить в Ордену на турнир. Энрике так и загорелся. Я засомневалась – как-никак со дня похорон Педро прошло всего четыре месяца. Дон Диего сказал, что турнир будет скромным по случаю придворного траура по императору Виктору, отцу принцессы Мессалины, к тому же я смогу заказать службу по покойному Педро в его любимой часовне монастыря святой Жанны Северной.

Втроем мы и поехали. Я еще ни разу не была на настоящем турнире, правил толком не знала, да и смотрела больше по сторонам, чем на ристалище.

Королева, даром, что иноземка, носит наше платье и говорит так, что чужеземного выговора почти не заметно. Дочки

ее, принцессы, девицы видные, в теле. Принц Вердер тоже крепкий молодой мужчина, уже с брюшком, добродушный, и улыбка хорошая. Его жена, герцогиня де Круа, настоящая красавица, только больно надменная.

Герцогиня де Круа

Жаль, не было ни короля, ни наследника престола с женой – очень уж хотелось мне на них посмотреть. Зато вся остальная знать была в сборе. Канцлер Хуго де Монтиньяк – низенький, толстый, с маленькими глазками. И дочка у него такая же. Герцогиня Анриетта Граэр, маленькая, худенькая, глаза злые. Дочь магистра Ордена, высокая, одетая по-мужски, больше похожа на парня. Наш пэр, граф Ланкастер, со своей надутой дочерью, графиней Вердериной, герцог Лонгвиль, мой сосед, и много других, кого я видела в первый раз.

Встретили мы и дона Алонсо с невестой, молчаливой черноволосой девушкой откуда-то с севера. Чувствовала я себя там не очень-то уютно, среди всех этих надменных сеньоров, которые усердно делали вид, будто им ни до кого в мире дела нет. А тут еще дон Алонсо громко меня поприветствовал:

– Дражайшая тетушка, приехали в Орденю помолиться об упокоении души любимого супруга. Презрев все преграды, нарушив вдовье уединение в срок траура. Этот турнир, вероятно, причиняет вам немало неудобств, отрывая от благочестивых молений.

Вокруг язвительно захихикали. И хотя я каждое утро ходила в церковь и заказывала службы по Педро и Филиппу, в тот момент я почувствовала себя неверной вдовушкой из

тех представлений, что дают на ярмарках. И Энрике совсем некстати расхохотался рядом.

После этого у меня пропала всякая охота любоваться турниром. Напрасно Энрике уговаривал меня не дуться и звал посмотреть состязания лучников на реке. По завещанию Педро мне нужно было пожертвовать крупную сумму монастырю святой Жанны Северной, туда я и отправилась.

Настоятельница приняла пожертвование, долго говорила о христианском смирении и благочестии, о покорности воле Божьей, о том, что Господь, дважды отняв у меня супруга, очевидно, назначил мне высокую миссию – искупить грехи обоих в этом мире своими молитвами и постригом. Она уговорила меня остаться к заутрене и посоветовала прислушаться к божьему промыслу.

Утром выяснилось, что моя повозка сломана, и мне пришлось остаться еще на один день. К вечеру повозку не успели починить, и я осталась до утра. В конце третьего дня мне стало казаться, что меня упорно удерживают в монастыре, внушая мысль о том, чтобы навсегда остаться в его стенах. Чем дольше я оставалась там, тем больше меня терзала мысль, что тут не обошлось без дона Алонсо и дона Диего. Вскоре один из них и появился.

Дон Диего с любезной улыбкой сказал, что заглянул в монастырь, прослышав, что я тут, спросил, собираюсь ли я принять монашество, или все-таки согласна на его предложение руки и сердца. В последнем случае мы можем обвенчаться

прямо здесь и сейчас.

Выбор у меня был небогатый: монастырь или замужество. Я ему ответила, что замуж решила не выходить из уважения к памяти Педро, а по поводу пострига мне нужно подумать и принять окончательное решение. Когда я решу, я извещу мать настоятельницу или приеду сама. Очень жаль, ответил дон Диего, но отсюда вы выйдете только в одном случае – в качестве моей супруги. Я уже нащупала рукой распятие, мысленно моля Господа простить мне грех, который я собиралась совершить, ударив дона Диего по голове, когда в двери ворвался Энрике.

Эта поездка надолго отбила у меня желание посещать монастыри. И общаться с доном Диего. И путешествовать без охраны. Зато я была очень благодарна Энрике. Он спас меня, появившись, что называется в самый последний момент.

Больше того, он обещал похлопотать перед наследником, что было очень важно для меня, ведь дон Алонсо после той встречи на турнире таки подал королю жалобу, требуя вернуть его семье Альтамира. Король лично пожаловал замок и земли Педро за верную службу и так же легко мог забрать их у меня, если посчитал бы нужным. Я боялась, что этим все и кончится.

На свадьбу принцессы Ирен в столицу я не поехала, со-

блюдая срок траура. Энрике отправился один, и его долго не было. Потом умер старый король, а потом Энрике прислал за мной, чтобы я ехала к нему в Круавиль.

В Круавиле я остановилась во дворце д'Андуэн. Энрике пропал где-то в море и, в ожидании его возвращения, я немного навела порядок в доме, подготовила угощение, наняла уличных музыкантов, ну и, конечно, заказала себе пару новых платьев.

Энрике явился не один, а с целой компанией друзей. Был среди них, как ни в чем не бывало, и дон Диего. Рыжего графа д'Осса, которого все называли почему-то О'Флаери, Энрике представил мне на турнире. Двух других я видела в первый раз. Один – томный, высокий, худощавый, с бородкой, в общем, довольно ничего. Второй тоже высокий, поплотнее, волосы коротко острижены, с ямочкой на подбородке. Я знала, что Энрике дружит с молодым королем, вот только не знала, который из них и есть король. Они расхохотались и предложили мне догадаться самой.

Вечер прошел очень весело, оба предполагаемых короля наперебой высказывали мне любезности. Днем все вместе ездили по городу и окрестностям, при этом те двое продолжали дурачиться, величая друг друга величествами.

Вечером опять собрались во дворце. За ужином Энрике много смеялся и пил больше обычного. Кончилось тем, что его, как бревно, пришлось поднимать и нести в постель. Компания, однако, расходиться не собиралась, играли в кости,

продолжали пить и веселиться.

Постепенно все же они стали отправляться спать. Худощавый с бородкой ушел, сказав, что не собирается завтра выглядеть как выжатый лимон. Незаметно исчез О'Флаери, любовно распрощался дон Диего. Остался высокий с ямочкой на подбородке. Собственно, я уже догадалась, что он и есть король. И почему Энрике столько пил за ужином.

Так я стала любовницей короля. Раз уж дон Диего упорно пытался избавиться от меня, дон Алонсо – избавить меня от имущества, а Энрике с легкостью уступил другому, я подумала, что, в конце концов, лучше быть с тем, кто имеет над ними власть. Король оказался здоровым молодым мужчиной, в постели он был хорош, правда, иногда немного агрессивен.

Мы уехали в АльмЭлис. Я показывала свои владения, старалась, чтобы ему было весело. Все его друзья, как ни в чем не бывало, последовали за ним. Но, в общем-то, мне не было до них дела. Король утвердил меня во владении Альтамира и звании пэра, так что теперь дону Диего с доном Алонсо пришлось бы сильно постараться, чтобы отнять у меня АльмЭлис.

Сказать по правде, мне и самой никогда не было так весело. Развлекаться эта компания умела. Как я поняла потом, все они, включая короля, были друзьями с детства и, судя по всему, внести раздор между ними было невозможно. Они могли подраться, обидеться друг на друга, но как только де-

ло доходило до совместной гулянки, все обиды забывались.

К королю часто присылали гонцов, но он спокойно прочитывал депеши и топил ими камин. О'Флаери пытался поинтересоваться, что в них, но король только смеялся в ответ.

Один раз за это время в АльмЭлис заглянула гостья – графиня Мария Граэлент. Она ехала в Орденю из Круавиля и просила приютить ее на одну ночь. Вильруа – тот, которого я чуть не спутала с королем, потом сказал, что ее прислали на разведку, узнать, чем тут занимается его величество. Король после ее визита помрачнел, и через несколько дней собрался ехать в Круавиль. Друзей своих он оставил, сказав, что негоже им сейчас показываться на глаза его матери. Они расхихикались, но О'Флаери все же поехал с ним, а Вильруа и дон Диего отправились к себе в поместья. Энрике пытался остаться, но я его выпроводила.

Едва они уехали, нагрянула моя семья. Отцу не терпелось узнать, удалось ли мне отстоять свое право на АльмЭлис, у Жака родилась дочь, он хотел пригласить меня в крестные, Лизон и Аннета набросились на меня за то, что я не пригласила их к себе, когда в замке был король, Жан хотел, чтобы я помогла ему найти невесту, Гийом воспылал желанием попасть в королевскую гвардию, самым младшим братьям и сестрам пока только и надо было, что порезвиться в краси-

вом и роскошном замке. Мама робко заметила, что король все-таки женатый мужчина, но сестры ответили, что всем известно, что его жена, иноземная принцесса, давно уже уехала к себе и с ним не живет.

Вскоре пришли вести о том, что король отправился к жене на Черную Пантеру, то ли воевать, то ли мириться. Пыла у моих сестер это поубавило. Весть эту, между прочим, принес дон Диего. Он заехал в АльмЭлис по дороге в Круавиль, чтобы со мной поговорить. Просил прощения за ту выходку в монастыре:

– Алисия, не держите на меня зла, я, конечно, перегнул палку в тот раз, но... кому как не вам меня понять. Что толку в том, что пятнадцать поколений твоих предков правили этим королевством, если все, что осталось от бывшего величия – небольшой замок и золотые прииски, которые к тому же, как не крути, достанутся брату. Вот и приходится самому заботиться о себе. В конце концов, я всего лишь пытался вернуть то, что, не появившись вы, принадлежало бы мне по праву. Вы красивая женщина, я тоже не урод, почему вы упорно отказываетесь выйти за меня замуж? Неужели вы так наивны, что ждете, что король, вернувшись домой, возобновит вашу связь? Я хорошо знаю его величество, поверьте, это не тот случай.

– Благодарю вас за заботу, дон Диего. Но вы сами понимаете, после того, что произошло в Ордении, я не склонна принимать ваши слова на веру.

– Я надеюсь, мы, по крайней мере, не станем врагами. Вы слишком очаровательны для этого, Алисия. Я хотел бы быть вашим другом.

– В таком случае, дон Диего вам придется постараться, чтобы заслужить мое доверие.

– Что ж, это уже лучше. Обдумайте еще раз мое предложение, мы могли бы принести друг другу много пользы: я дам вам положение, вы мне – титул.

– Дон Диего, а мне казалось, вы старше дона Алонсо. Ведь, если я не ошибаюсь, в свиту короля обычно отдают старших сыновей.

– Да, в самом деле... это давняя история. Видите ли, еще при жизни нашего батюшки дон Педро хотел оставить свое наследство кому-нибудь из нас, и мы с Алонсо уговорились, так сказать, поменяться местами, совсем как Исав с Иаковом. К сожалению, батюшка закрепил это решение документально, так что все наследство досталось Алонсо.

– Похоже, вам не повезло, дон Диего. Хотели получить больше, а остались ни с чем.

– И не говорите. Кстати, Алисия, вот вам и доказательство моей дружбы: не желаете ли отправить сестер на воспитание в монастырь святой Жанны? Это пойдет им на пользу, там воспитываются знатнейшие девицы королевства. Я мог бы похлопотать перед настоятельницей.

– Я уже заметила, что у вас с ней теплые отношения.

– А что в этом удивительного, если она приходится мне и

Алонсо родной тетушкой?

«Ну и семейка у вас», – подумала я, любезно улыбнувшись дону Диего на прощание.

Глава 3

Отныне я была свободна. Больше мне не нужно было бояться, что у меня отнимут мой дом, взрослая женщина и дважды вдова я имела право сама решать свою судьбу. И даже помогать родителям решать судьбы братьев и сестер. Хотя в вопросе женитьбы Жана ничья помощь не понадобилась.

На крестинах племянницы, он сам приглядел себе невесту – младшую из сестер жены Жака. Все шумное и многочисленное семейство Луэстра-Чум явилось в Ла Курятник на крестины, и праздник получился на славу. Были даже новые зятя барона Луэстра-Чум – недавно он выдал замуж двух дочерей постарше за двух бывших мятежников. Говорили, король помиловал их и освободил из заточения по просьбе герцогини де Круа.

Жак очень сдружился с одним из них, Антонио Браско дель Монте, он даже как-то изменился, я никогда раньше не видела брата таким оживленным. Хотя признаться, Антонио всем пришелся по душе, словно всегда был членом семьи. В нем чувствовалась сила, уверенность, чувствовалось, что он немало повидал в жизни, и многим вещам знает настоящую цену. И даже когда он шутил и веселился, он делал это совсем не так, как, например, король и его друзья, рядом с ним они показались бы мальчишками. Не по возрасту, а... даже не знаю, как сказать... по зрелости ума и чувств, что ли.

Антонио был настоящий знатный сеньор, но, в то же время, знал и умел делать много такого, чему богатых наследников не учат, ни с кем не чинился. С ним было весело и интересно, а, главное, с ним человек был самим собой, и даже как-то невзначай начинал думать о себе лучше, глядя на него. Во всяком случае, мой брат, застенчивый молчун, всегда сторонившийся чужаков, теперь вдруг расправил плечи и стал увереннее, спокойнее, словно перенимая у Антонио манеру держаться и вести себя. У них завелись какие-то общие дела, они собрались перевозить грузы на западное побережье и в Круавиль.

Антонио приезжал в Ла Курятник еще несколько раз, по своим делам с Жаком и на свадьбу Жана, и я невольно заметила, как быстро у нас всех появилась привычка обращаться к нему за советами.

Украдкой, я приглядывалась к нему, и думала, что его же не очень повезло, с таким мужчиной женщина может счастливо прожить всю жизнь. Он был довольно высокий, сильный, статью и черными вьющимися волосами похожий на Энрике, на лицо не то, чтобы красивый, но глаза и улыбка очень обаятельные.

Не скажу, что нарочно, но я немного с ним кокетничала, совсем чуть-чуть, в таких случаях женщина всегда чувствует, нравится ли она мужчине, ну, а по нему я поняла, что ничего такого между нами нет.

После свадьбы Жана я уехала обратно в АльмЭлис, а оттуда в столицу, где у Педро был дом, довольно добротный. Раньше я там ни разу не бывала, да и в Розалии вообще-то тоже. В таком большом городе было непривычно, шумно и весело, как на ярмарке.

Вскоре у меня появились знакомые. В торговых рядах у порта я повстречала девушку, одетую в мужской костюм, с платком на голове, завязанным на пиратский манер. Она оживленно препиралась с торговцем, когда я вошла в лавку.

Выйдя, мы с ней разговорились, оказалось, что ее зовут Эойя, и она, в самом деле, пиратка с Западного побережья. Там так одеваются почти все женщины. Не знаю, как остальным, но ей ее наряд был очень к лицу, да и под стать характеру. Узнав мое имя, она весело присвистнула:

– Соседка, оказывается!

– Это как? – удивилась я.

– Соседние кресла у нас с тобой в Королевском Совете, дорогуша.

– В самом деле?!

– Выборный представитель Пиратской области. А то стала бы я торчать в этой дыре.

– Мне Розалия дырой не показалась.

– Ты просто мало что видела. Впрочем, и тут есть много

интересного.

И я действительно узнала много интересного. Видела королевский дворец, королевскую библиотеку, астрономическую башню, Собор всех святых. Ну, и конечно порт, огромный, вся бухта – сплошной лес мачт, даже не верится, что столько кораблей могут собраться в одном месте. Один из этих кораблей принадлежал Эойе. Она холила и лелеяла его словно младенца. И орала во всю глотку на добрую сотню здоровых заросших волосами пиратов. Вела торговые переговоры, занималась ремонтом поврежденного такелажа, говорила на разных языках, умела определять курс корабля. Мне и в голову не приходило раньше, что быть пираткой, значит так много знать.

Еще одним новым моим знакомым стал Филипп д'Олонэ. Рыцарь родом с самого севера, невысокий, быстрый. Загляделся на меня на улице, потом все ходил следом да серенады под окнами пел. За мной так еще никто не ухаживал.

Король. Я не была влюблена, но все же часто думала о нем: где он и вспоминает ли обо мне, помирился ли он с женой. В столице я слышала много разного: и длинный перечень его любовниц, и что они очень плохо жили с женой, и рассказы о его пьяных похождениях. Молва склонна преувеличивать, но ведь дыма без огня не бывает.

На свой первый королевский совет я собиралась с дрожью в коленках. Получив известие о времени и месте совета, я начала готовиться. Можно было не сомневаться – меня там разберут по косточкам.

В назначенный день я, как и другие пэры, явилась в зал Совета. Эойя, и правда, села рядом со мной, так что у меня был хоть один знакомый человек рядом. Хотя остальных почти всех я тоже видела раньше: канцлер де Монтиньяк, магистр Ордена, кардинал Лонгвиль, принц Вердер, принцесса Элеонора, моя соседка графиня д'Андуэн – бабушка Энрике, пэр Ланкастер, герцогиня Граэр, графиня Мередит, графиня Иерра. Эойя шепотом делилась опытом:

– Эти трое, – она скосила глаза в сторону герцогини Граэр, графинь Мередит и Иерра, – держатся вместе. Терпеть друг друга не могут, но остальных вокруг себя не выносят еще больше... Анриетта Граэр у них всем заправляет, даром, что ростом не вышла, да у тех двух смекалки не хватает. Кардинал – любитель поспать, туговат на ухо. Ничего интересного. Старуха Андун – та еще штучка, ну да ты ее знаешь. Магистра, гляди, как скрутило – еле ходит. Поди, пора уже отдавать богу душу, а он все о делах мирских беспокоится, – съехидничала Эойя.

Графиня д'Андуэн неодобрительно глянула на нас, чуть

дольше задержавшись взглядом на мне. Осуждает за скоропалительную связь с Энрике, подумала я.

Граф Ланкастер испепелял меня взглядом с другого конца стола – шутка ли, оказаться за одним столом со своим вассалом, да еще где – на королевском совете!

Король с королевой-матерью явились последними. Король широким шагом прошел к королевскому креслу, королева села рядом. Канцлер объявил совету, что королева-мать явилась как выразительница интересов своей внучки Юлии, императрицы Чернопантерской и принцессы Монтекристовской, поскольку мать новорожденной, супруга его величества, скончалась родами.

Наступило молчание, судя по лицам членов совета, вызванное неожиданностью. Потом канцлер Монтиньяк от имени совета выразил его величеству глубокие сожаления о его супруге. Заговорили о грядущем погребении императрицы и крещении принцессы. Погребение усопшей надлежало осуществить на ее родине, и король заявил, что, ввиду того, что он отбудет со свитой на Черную Пантеру, он назначает в свое отсутствие соправителей – свою мать и принца Вердера. После этого он внимательно оглядел членов совета. Все согласились с его решением.

Далее обсуждали нелады с родичами покойной императрицы, я понимала с трудом, путаясь в иноземных фамилиях. Большая часть их, как я поняла, не хотела покоряться королю, члены совета предлагали различные способы подчи-

нить, от подкупа до войны. Король слушал внимательно, потом сказал, что женится на ближайшей родственнице своей первой жены, дочери главы одного из враждебных кланов. Долго и бурно обсуждали все за и против его женитьбы. Наконец, совет закончился.

Я на протяжении всего времени совета молчала. Зачем лезть в дела, в которых ничего не понимаешь? Король никак не показал, что заметил меня, ни разу не взглянул, и я подумала, что дон Диего был прав.

Несколько дней спустя в мой дом постучали ночью. Это был О'Флаери под руку с мертвецки пьяным королем. Вдвоем мы оттащили короля в постель, он нес какую-то околесицу, называл меня разными женскими именами, кому-то грозил, хохотал, запустил в слугу сапогом.

Наутро король был в ужасном состоянии. Хорошо, со мной была Фиона, мы отпоили его отварами, ему полегчало. На прощание он испытывающее посмотрел на меня, поцеловал в губы и ушел.

Через неделю он отплыл на Черную Пантеру, хоронить одну жену, жениться на другой.

При дворе объявили траур. А я вернулась в АльмЭлис. Но не одна. Из столицы за мной последовали Филипп и Антуан д'Олонэ, позже приехали Вильруа, Энрике, дон Диего, Эйоя.

Мы веселились, каждый день устраивали празднества, танцевали, ездили на охоту, плавали на лодках. Молва о нашем веселье, видно распространилась далеко, потому как почти каждый день в АльмЭлис прибывали гости, дамы и кавалеры. Больше я не чувствовала себя неуютно в их обществе. Напротив, я видела, что большинство молодых людей увлечены именно мной, я видела в их глазах восхищение, и мне это было приятно.

По окончании траура все вернулись в столицу, там время протекало столь же весело, и у меня завелось еще больше знакомых.

Дон Диего продолжал оставаться в списке моих кавалеров и становился все настойчивее. Однажды во время танцев он утянул меня в укромный угол.

– Алисия, дорогая... – Он хотел поцеловать мои губы, но я увернулась, и поцелуй пришелся в шею, – Сколько мож-

но ждать! Давайте, станем любовниками, раз вы так боитесь выйти за меня замуж.

– Дон Диего, прекратите! – Я, шутя, отбивалась, но его это только раззадорило. – Что у вас с братом за манера распускать руки...

– Похоже, Алонсо и тут пытался обойти меня исподтишка, – неприятно улыбнулся дон Диего, – Неужели вы были с ним более любезны, чем со мной? – Он опять попытался меня обнять.

– Я вlepила ему увесистую оплеуху. И вам могу, если продолжите в том же духе, – рассмеялась я.

Дон Диего вздохнул и отпустил меня.

– Алисия, вот увидите, я буду покладистым мужем.

Но я не доверяла ему, несмотря на все его уверения.

Дома я бывала редко. У Жана родилась дочь, Жак был уже отцом троих детей, жена и сын Антонио гостили в Жанине. Я забрала к себе Лизон, ей уже исполнилось шестнадцать, самое время замуж отдавать. И, глядя на братьев, их жен и малышей, я поняла, что тоже хочу иметь свое гнездо, хочу, чтобы у меня были муж и дети. Мне шел уже двадцать второй год.

Несмотря на обилие кавалеров, ни меня, ни сестру не баловали предложениями руки и сердца. Лишь дон Диего на-

стойчиво стремился заполучить мою руку вкупе с помещьем дядюшки. Мое же сердце больше благоволило к Филиппу д'Олонэ. Чем-то он напоминал мне моего Филиппа, не только именем, но и серьезностью, благородством. И я решила – он станет моим мужем.

Все было прекрасно. Он в очередной раз объяснился мне в любви, я ответила ему взаимностью. Он уехал домой. Я ждала и готовилась к свадьбе. Лизон злилась и кричала, что вместо того, чтобы найти жениха ей, я нашла себе, очередного, уже третьего (!) мужа.

Филипп приехал, и в глазах у него было что-то не так. Он не поцеловал меня и попросил разрешения поговорить наедине.

Мы остались одни в большой пустой зале. Он попросил меня ответить, правда ли, что все, чем я владею, принадлежит мне лишь до моего нового замужества. Это было не совсем правдой – Чандос оставался в моем владении – но я уже все поняла. И ответила, что, действительно, потеряю титул и владения Альтамира после свадьбы. И он сказал, что его семья не может ему позволить жениться на бесприданнице. Я спросила, неужели он не знал о моем происхождении и моем состоянии, когда ухаживал и звал меня замуж. Он сказал, что знал о моем происхождении, но надеялся убедить отца все же дать согласие на брак. А о завещании Педро узнал по дороге домой, дон Алонсо как благородный человек счел своим долгом предупредить его о последствиях такой женить-

бы. Я велела ему уйти. Он поклонился и вышел.

Лизон говорила, что поделом мне, не понимала, глупенькая, что нет и не будет у нее жениха, о каком она мечтает, перевелись на свете благородные рыцари – бароны Чандос и графы Альтамира. Остались доны Алонсо и Диего, алчные до чужого добра и ревниво его стерегущие.

Я вежливо выпроводила всех своих гостей под предлогом, что еду в столицу на королевский совет. Хватит, пусть веселятся в столице, а не у меня дома и не за мой счет.

Короля по-прежнему не было, принц Вердер правил один, королева-мать болела. Королевский совет в этот раз созывали, чтобы одобрить повышение налогов, пэры многие хотели, воспользовавшись случаем, увеличить и свои подати, но некоторые были вообще против повышения, в том числе я.

Принц Вердер говорил о том, что денег в казне не хватает, много расходов связано было со свадьбой короля, да и столь частое сообщение между государствами обходится недешево. Еще нужны деньги на армию и флот, на усмирении мятежников на Черной Пантере. Пэры возражали, что деньги на борьбу с мятежниками впору бы взыскивать с подданных короля на Черной Пантере. Принц молчал, и лицо у него было утомленное. Ни к какому решению совет не пришел, принц велел не разъезжаться и через неделю созвал но-

вый совет.

На следующем совете решение о повышении налогов утвердили. Королева-мать присутствовала, она чувствовала себя уже лучше, вместе с принцем Вердером они пошли на уступки, позволив пэрам повисить и собственные подати.

После совета я поехала домой, в Жанин. Перед этим я заглянула в АльмЭлис и Чандос. Несмотря на мою веселую жизнь, дела в обоих поместьях шли хорошо. Еще раз убедившись в этом, я со спокойным сердцем продолжила путь.

Младшие братья и сестры, племянники и племянницы успели сильно подрасти за время, пока я была в столице. В Жанине жила и Гертруда, жена Антонио, с сыном Клеменцио. Жак с Антонио, как обычно, были в отъезде.

К Аннете сватался генуэзский купец, отец не знал, какой ему дать ответ и велел приезжать через год – пусть Аннет подрастет, и если за год не сыщется жених получше, то и быть по сему.

О моей несостоявшейся свадьбе родня молчала, только иногда отец тяжело вздыхал, глядя в мою сторону. Ну да мне и это было неприятно. Фиона, когда я заезжала в Чандос, сказала: «Не лови звезд с неба, найди себе просто хорошего человека, заведите детей, будут они баронами Чандос, и дело с концом».

Дома я оставаться долго не захотела, как вернулись Жак с Антонио, решила отправиться с ними на западное побережье, повидать Зою. Ехали мы хорошо, стоял конец мая – са-

мое время для путешествий. После Ионвиля Антонио свернул куда-то – ну да Жак отнесся к этому спокойно, видать, так у них было заведено. Нагнал Антонио нас за Круавилем, уже не один, а со своим слугой, Жаке. Был он очень веселый, и я подумала, что тут, наверное, не обошлось без женщины. За то время, что я видела их с женой вместе, мне показалось, что Гертруда тянется к нему больше, чем он к ней. Так я ему и сказала:

– Не любишь ты жену, Антонио, слишком часто от нее бегаешь.

– Неправда, – ответил он, – люблю. Не так, наверное, как хотелось бы ей, но достаточно, чтобы жить в добром согласии. В жизни редко бывает, чтобы все и сразу. А я умею ценить то, что есть. Год назад сидел в тюрьме, а теперь свободен, у меня сыновья... сын, – поправился он и весело добавил, – и будут еще дети. И чтобы они не росли голодранцами, нужно что-то делать. Если я буду сидеть у жениной юбки, много ли толку выйдет?

– Вот видишь, ты хочешь лучшего будущего для своей семьи, выходит, ты стремишься к большему, а не довольствуешься достигнутым.

– Я не говорил, что доволен достигнутым. Я сказал, что умею ценить то, что есть сегодня. А завтра я хочу большего.

– Я тоже хотела. Но неужели слишком многого?

– Возможно, ты хотела совсем не то, что тебе нужно.

– Что ты имеешь в виду?

– Неужели ты думаешь, что жила бы счастливо с этим чванливым графом, что отказался от тебя из-за наследства?

Я рассмеялась:

– А ведь ты прав.

Я отыскала Эойю, точнее, она отыскала меня в Граюнте. То был большой портовый город, древний, с полуразрушенными языческими храмами.

Она познакомила меня со своим братом Аламом, он как раз вернулся из похода. Очень большой, мощный, с серьгой в ухе и обритой наголо головой, повязанной пиратским платком. Рядом с ним мы с Эойей казались совсем малышками. Когда он не рявкал громовым голосом на команду и не пьянствовал с друзьями в трактире, Алам был добродушным и милым. Руки у него оказались удивительно ласковые.

Я осталась на его корабле. Думать ни о чем не хотелось, приятно было нежиться на солнышке и плавать в теплой морской воде. Эойя и Алам были прекрасными ныряльщиками, и я старалась от них не отстать. Настроение мое не смогла испортить даже весть о том, что Филипп д'Олоне женился на бывшей фаворитке короля, Камилле, графине Глейнер.

Но всему приходит конец, рано или поздно. Следом пришли вести о прибытии его величества с новой королевой, и

нам с Эойей надлежало отправляться в столицу, на торжественную встречу молодой королевской четы.

Глава 4

Та осень хорошо мне запомнилась. В столице прошли сначала празднества по случаю приезда королевы Целестины, потом ее коронация. Людям молодая королева понравилась, она часто улыбалась и любила танцевать. Король мало изменился, лишь иногда носил чернопантерское платье, видимо, из уважения к жене и ее подданным.

Та осень оказалась богатой на свадьбы: канцлер Монтиньяк выдал дочь замуж за графа Бертео, дон Алонсо, наконец, обвенчался с младшей графиней Иерра, своей невестой, а Вильруа соединил руку и сердце с Анриеттой, герцогиней Граэр. Последнему браку многие поражались и шутили, что без колдовства здесь не обошлось. А за мной с завидной настойчивостью ухаживал дон Диего.

Еще я постоянно чувствовала на себе его взгляд. Взгляд короля. На праздники я сшила себе много новых платьев, я знала, что красива, на зависть всем своим недоброжелателям. Этот мужской взгляд был настолько красноречивым, что молва снова окрестила меня королевской любовницей задолго до того, как это на самом деле произошло.

Я уехала. Уехала, чтобы не портить молодой королеве торжества и чтобы повидать Алама. Его корабль все еще стоял в бухте Граюнта, и я застала его на борту. В гамаке с какой-то девицей – понятие верности не входило в кодекс поведения пирата. Он рассмеялся, и я тоже улыбнулась. Мы расстались добрыми друзьями.

В Граюнте меня нашел король. Явился ко мне в дом. Приехал следом, бросив жену и празднества.

Я поняла свою миссию просто: со мной он должен отдыхать. Никаких сложных государственных вопросов, сцен, скандалов, сплетен. Он и я. И его вездесущие друзья, приехавшие следом. Король был приятно поражен, увидев, что я кое-что знаю о морском деле. Мы вместе купались и ныряли все оставшиеся дни бархатной осени.

Потом он вернулся в столицу – королева была на сносях. А я отправилась в АльмЭлис. Вскоре ко мне приехали Жан с женой и Лизон с Аннетой. Сестры уже привыкли жить в богатстве и дома, в Жанине, оставаться не хотели.

У королевской четы родилась дочь. Девочку нарекли Марией. После крестин король снова вернулся ко мне. Зима в АльмЭлисе прошла весело.

Его друзья тоже гостили у меня, но ряды их изрядно поредели. Вильруа после женитьбы выпал из компании. Дон

Диего заезжал изредка, теперь он, похоже, смирился с тем, что я не выйду за него замуж, и предпочитал искать счастья где-то в других местах. О'Флаери тоже не было видно, но по другой причине. Король был зол на него из-за своей сестры. Принцесса Элеонора и О'Флаери оказались не слишком благоразумны, плод их внебрачной связи должен был появиться на свет не позднее середины лета, как и наш с королем. А весной за принцессой должен был приехать жених, чужеземный герцог.

Король говорил, что с удовольствием повесил бы «эту сволочь», но тогда принцесса Элеонора попала бы в еще более безвыходную ситуацию. Оставалось одно – обвенчать их как можно скорее. Король и сам это понимал, но хотел проучить и напугать обоих. В середине февраля он все же дал согласие на брак, и мы отправились в Розалию на свадебные торжества.

Свадьба принцессы – дело нешуточное. В столицу съехался весь цвет королевства.

При дворе дон Диего уже вовсю ухаживал за графиней Ланкастер, дочкой старого пэра. Если он хотел уязвить меня, то не мог выбрать никого более подходящего. Но расчет дон Диего был более тонок – графиня Вердерина приходилась пэру Ланкастеру единственной дочерью. В их владении на-

ходилось не только богатое и обширное графство Ланкастер, но и не менее богатое и просторное герцогство Хилрод, а как пэры они собирали налоги еще в трех поместьях, включая Чандос. С этим богатством не шел ни в какое сравнение даже АльмЭлис и поместье Альтамира. Сама графиня Вердерина, по правде, была злобной занудой. Ко мне она относилась как к куску грязи на дороге, делала вид, что не замечает.

Впрочем, как и многие другие. Каждый норовил показать, что знатнее и богаче, драгоценностей нацепить побольше, быть ближе к королевской фамилии, презирать тех, кто беднее и худороднее, заполучить еще одно поместье или титул, породниться с еще более родовитыми. Моя связь с королем заставила некоторых из них быть чуть более любезными, но в целом их отношение ко мне не изменилось.

Только вот меня этим было трудно пронять. Язвительный шепот за спиной не мог задеть меня больше, чем те же оскорбления, высказанные мне в лицо доном Алонсо, лицемерным улыбкам немногих заискивающих, я доверяла не больше, чем притворно покладистому виду дона Диего. Что же до обильно источаемого в мой адрес высокомерия, то с этим я свыклась еще с детских лет.

Самой надменной из всех мне казалась жена принца Вердера, герцогиня де Круа. Даже не надменной, а какой-то равнодушной ко всему вокруг. Так другие люди смотрят на насекомых или на привычную мебель: безразлично и словно бы мимо. Высокую, с царственной осанкой, ее можно было

принять за королеву скорее, чем настоящую жену короля. Наверное, так и пристало смотреть королевским особам, выражать поистине монаршее величие.

Все же она мне нравилась больше остальных, может потому, что была очень красива, а может потому, что я разгадала тайну, скрытую за этим ледяным спокойствием. Помню, когда я впервые увидела маленького герцога, ее сына, меня словно озарило – точно такой же мальчуган бегают с моими племянниками по двору в Жанине! И зовут его Клеменцио Браско дель Монте.

И припомнилось мне сразу, что это ведь она освободила Антонио из тюрьмы, его частые отлучки и слуга, месяцами пропадающий неизвестно где. Что ж, признаться, они красивая пара, оба высокие, стройные, кудрявые. И мне стоит помолчать о моем открытии.

Дон Диего успешно оттер всех других претендентов и, едва завершилась свадьба принцессы, объявил о своей помолвке. Его свадьба с графиней Вердериной состоялась чуть позже, весной, в апреле.

Среди гостей были король с королевой, пэры, графы и герцоги. Был и дон Алонсо с супругой. Всякий раз, видя братьев Луис эль Горра вместе, я вспоминала об угрозе потерять АльмЭлис. Теперь, когда я ждала ребенка, не будучи заму-

жем, эта угроза вновь обрела реальные очертания. Я сказала об этом королю. Рассказала все с самого начала. Просила позаботиться о будущем нашего ребенка. Он ответил, что мне нечего беспокоиться.

Моя дочь родилась в конце июля, здоровой и розовенькой, как все дети в нашей семье. Роды были быстрые, помогала мне Фиона.

Я назвала малышку Жанной, и просила двух святых дев – Жанну Северную и Жанну Южную – принять мою доченьку под свое покровительство. Крестной матерью Жанны стала Эойя, крестным отцом – мой брат Жак.

Появление маленькой Жанны на свет принесло много радости. Фиона просто помолодела от счастья. Мой отец относился к Жанне благоговейно и заявил, что она самая красивая из его внучек, вызвав маленькую семейную бурю. Я сама, испытав муки материнства, теперь наслаждалась его радостями, глядя на пушистую головку, прижимающуюся к моей груди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.